

УДК 930.2

Волошин Д.А.<sup>1</sup>

**ТЕЗИС О СОЮЗЕ УГНЕТЕННЫХ МАСС  
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ВАРВАРОВ В СВЕТЕ  
ДАННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ  
(к изучению научного метода В.Т. Сиротенко)**

Армавирский государственный педагогический университет (г. Армавир)

Voloschin D.A.

**THESIS ON THE OPPRESSED MASSES OF THE ROMAN EMPIRE AND  
THE BARBARIANS IN THE LIGHT OF HISTORICAL DATA SOURCES  
(to the study of scientific method V.T. Sirotenko)**

Armavir State Pedagogical University (Armavir)

*Аннотация.* В статье представлена характеристика взглядов известного отечественного медиевиста В.Т. Сиротенко относительно распространенной в отечественной науке идеи союза варваров и угнетенных масс Римской империи. На основе привлечения источников личного происхождения, а также диссертационного исследования и отдельных научных изданий Сиротенко дана характеристика источниковой базы в системе аргументации ученого, выявлены ключевые черты его научного метода.

*Ключевые слова:* Римская империя, рабы, варвары, историография, исторический источник.

*Abstract.* The characteristic views of the famous domestic medievalist v. t. Ree relatively common in domestic science ideas Union barbarians and the oppressed masses of the Roman Empire are presented in the article. Through the personal sources of origin, as well as dissertation research and selected scientific publications Ree characteristics of source base reasoning scientist system, identified the key features of his scientific method.

---

<sup>1</sup> Волошин Дмитрий Алексеевич — канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического ун-та (г. Армавир).

*Keywords:* Roman Empire, slaves, barbarians, historiography, historical source.

Споры о падении Римской империи ведутся веками, всякий раз ставя перед новыми исследователями прежние вопросы — такие как роль варваров и угнетенных масс Империи в данном процессе. Рассматриваемые по отдельности, данные аспекты вряд ли могут претендовать на неоднозначность: деструктивное действие первых на цивилизацию очевидно в той же мере, в какой привычна тема, касающаяся чудовищной социальной несправедливости в отношении ко вторым.

Крушение мощного государства вследствие внешнего натиска, равно как и единство интересов внешних завоевателей с угнетенным местным населением можно считать сюжетом «универсальным», не прикрепленным к определенной исторической эпохе. Варвары или «варвары», ворвавшиеся в дремлющий мир сибаритствующих олигархов и политиканов... Доведенные до отчаяния широкие массы населения, ненавидевшие и тех и других больше, чем завоевателей... Эти историографические клише способны ввести в соблазн чрезмерного упрощения и ограничения аспектов темы не только ее «первооткрывателей».

Насколько устойчивой можно считать идею о той или иной мере сочувствия угнетенных и обездоленных масс Римской империи к внешнему врагу в исторической науке? Безусловно, этот вопрос уже можно причислять к разряду риторических, составляющих суть любой претендующей на научность объяснительной схемы падения Римской империи.

В этой связи изучение научного наследия и метода Василия Трофимовича Сиротенко, давшего куда более сложную механику социальных отношений в Римской империи периода варварских вторжений, представляется уместным и необходимым. И дело не только в актуальности жизненной дилеммы «Личность историка» или «Штатная единица», унаследованной от советского периода развития отечественной науки. В отношении В.Т. Сиротенко сложилась парадоксальная ситуация — когда его имя ассоциируется исключительно с обстоятельствами спасения К. Войтылы, либо с научными спорами на предмет «Открывали ли рабы ворота римских городов для варваров?» [3, с. 5].

И это при том, что именно «...В.Т. Сиротенко отверг господствовавшую в нашей науке теорию союза народных масс Римской империи и варваров как один из факторов перехода от рабовладения к феодализму» [8, с. 131]. Впрочем, вышеобозначенная точка зрения не является безальтернативной. Можно достаточно легко найти и иные утверждения. Например, о том, что идеи Сиротенко о широких массах Римской империи, подняв-

шихся на борьбу с варварами, были встречены сообществом историков как надуманные [6, с. 180—192].

Итак, что думал В.Т. Сиротенко о существовании союза между варварами и народными массами Империи? Сам ученый в своих воспоминаниях неоднократно подчеркивал тот факт, что не имел изначального научного предубеждения против идей, воплощенных в трудах апологетов теории революции рабов и их поздних последователей, сгладивших известные ее острые углы. Однако даже при первичном источниковедческом приближении к теме, по словам Сиротенко, стала вырисовываться диаметрально противоположная картина, приведшая автора в определенное замешательство.

Шел ли В.Т. Сиротенко путем количественного накопления малозначительных свидетельств против идеи о союзе варваров и рабов Рима? На этот вопрос можно дать однозначный отрицательный ответ — исследователь не избегает упоминания свидетельств, идущих явно не в пользу его концепции. В противовес он приводит куда более внушительный перечень источников в собственной авторской систематизации и переводе, свидетельствующих об обратном.

В.Т. Сиротенко было осуществлено конспектирование фрагментов исторических первоисточников по теме исследования в общем объеме около 100 тетрадей. Следует, однако, оговориться, что в данных тетрадях содержались и конспекты работ зарубежных историков, некоторых отечественных специалистов, а также Маркса-Энгельса-Ленина; однако основной объем конспектов приходится на исторические источники. Фактически Сиротенко, работая в ситуации явного цейтнота (об этом косвенно свидетельствует и почерк автора), шел путем тотального, сплошного конспектирования всех доступных данных, имеющих отношение к теме. Однако это вовсе не отменяет строгой системы его источниковедческого метода. Весь объем конспектов был сведен автором воедино (тетради получили нумерацию и оглавление собственного содержания); далее автор для облегчения поиска того или иного законспектированного фрагмента сформировал текстовый блок содержания каждой тетради.

Еще одна особенность подхода Сиротенко — привычка выполнять конспект только на правой стороне каждого тетрадного разворота. Это позволяло делать синхронный, построчный перевод уже в удобное для исследователя время, вносить правки и т. д. (см. Фото. 1).

Позволило ли количественное накопление свидетельств против идеи союза рабов и варваров Василию Трофимовичу выйти на качественно новый (для его времени) уровень понимания проблемы? В известной степени это верно, потому как объем привлеченных и

введенных в научный оборот исторических первоисточников по теме был беспрецедентен (напомним, что Василий Трофимович в силу жизненных обстоятельств был далек от Центра, а это имело и имеет до сих пор определяющее значение).

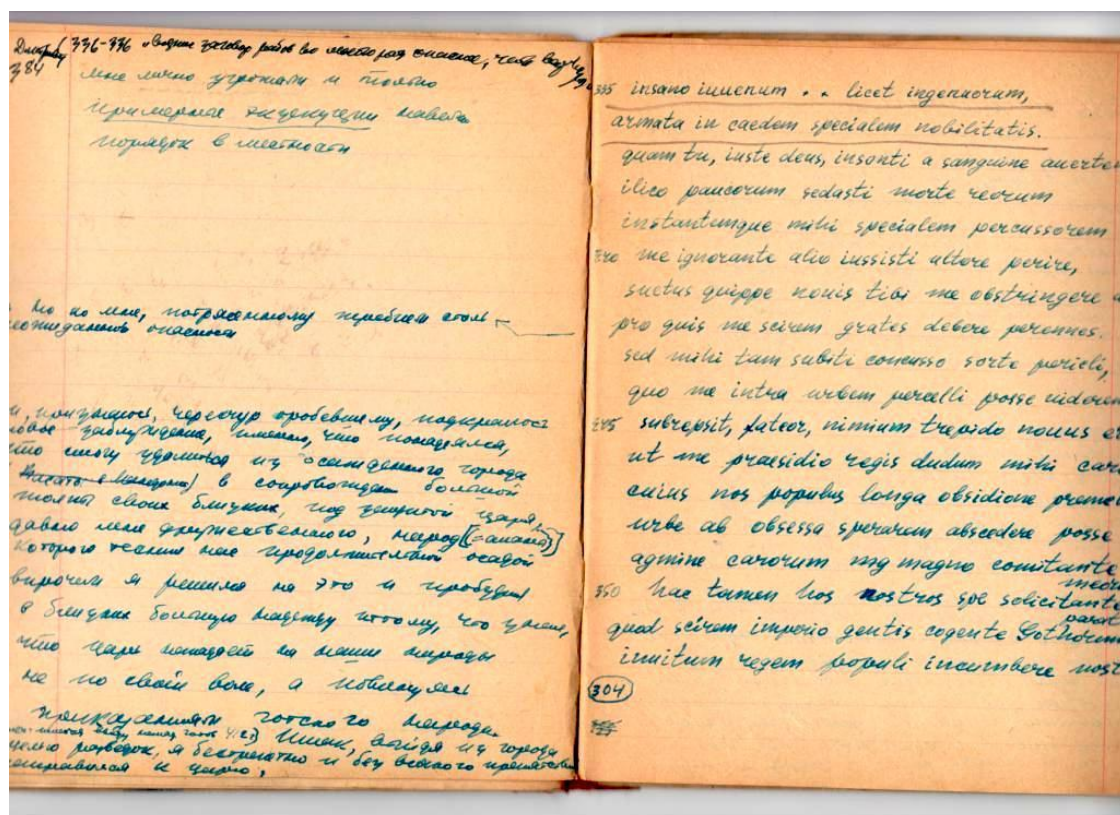


Фото. 1. Конспект и перевод источника, выполненный В.Т. Сиротенко.

Фундаментальная источниковая база, заложенная В.Т. Сиротенко в собственноручно выполненных конспектах, получила дальнейшее развитие и систематизацию. Сначала в формате работы и реализации его диссертационного исследования, а затем — первой части монографии «Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в. н. э.».

Первый том диссертационного исследования представляет особый интерес, так как содержит источник-историографический обзор изучаемой автором проблемы. Впрочем, оглавление первого тома диссертации Василия Трофимовича в очередной раз убеждает: оставаться свободным, находясь внутри Системы в то время было попросту невозможным. Как и прежде, методологической основой марксистско-ленинской историографии признается великое учение Маркса-Энгельса, далее развитое и обогащенное Лениным и Сталиным. И лишь затем приведены источники, имеющие первостепенное отношение к теме и определяющее значение для верной ее интерпретации.

В данной части диссертации автор стремится дать обзор источников, анализ их идейного содержания и политических тенденций. Преимущественное рассмотрение при этом получили те источники, которые рисуют общую картину Римской империи IV—V вв., ее внутреннее положение и внешнеполитические связи; отдельное внимание уделено сведениям, вскрывающим истинное положение народных масс и масштаб социального противостояния. При рассмотрении этих источников Василий Трофимович подробно останавливался на тех из них, материал которых на тот момент не был введен в научный оборот, либо мало использован в исследованиях. Чтобы составить представление о проделанной Василием Трофимовичем работе и ее объеме, достаточно обратиться к части оглавления первого тома:

Позднеантичные и ранневизантийские публицисты и политические деятели (*Анонимный реформатор, Либаний, Фемистий, Синезий Киренский, Клавдиан, Рутилий Намациан, комедия «Кверол», Симмах, Паулин Пеллейский, Аполлинарий Сидоний*); Церковные деятели (*Амвросий, Иоанн Златоуст, Паулин Ноланский, Августин, Посидий, Сальвиан, Ориенций, Кводвультдеус, Виктор Витенский, другие церковные деятели и официальные церковные документы*); Историки (*Евтропий, Аврелий Виктор, Аммиан Марцеллин, Евнапий, Зосим, Олимпиодор, Павел Орозий, Приск Панийский, Малх Филадельфийский, Кандид, Прокопий Кесарийский*); Церковные историки (*Руфин, Сульпиций Север, Филосторгий, Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит, Феодор Лектор, Евагрий Схоластик*); Хронисты (*Иероним, Проспер Тирон, Галльская хроника 452 года, Галльская хроника 511 года, Идаций, Виктор Тунунский, Марцеллин Комит, Марий Авендик, хроникальные отрывки, Равеннская хроника Вalezия, Равеннские анналы, Иоанн Антиохийский, Малала*); Юридические памятники; Административные памятники; «Полное описание вселенной и народов»; Певтингеровы таблицы; Военный трактат Вегеция; Эпиграфический материал; Археологический материал; Лингвистический материал; Данные о международных отношениях в Европе второй половины IV — начала VI вв. в трудах писателей варварских государств (*Эннодий, Кассиодор, Иордан, Григорий Турский, Гильдас, Исидор Севильский, Фредегар, Беда Почтенный, Павел Диакон*); Агиографическая литература (*Житие Северина, Житие Германа Оксерского, Житие Аниана, Житие Луна, Житие Сервация, Житие Женеьевы*) [1, с. 16—17].

Данной комбинации В.Т. Сиротенко остался верен и при написании других своих работ, в том числе широко известной первой части «Введения в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI вв. н. э.». Отличия здесь присут-

ствуют, но они незначительны и могут свидетельствовать о дальнейшей работе, осуществляемой автором в плане создания более дробной систематизации используемых исторических источников. Например, раздел «Хронисты» структурирован подразделами «Латинские хронисты» [9, с. 101] (*Иероним, Проспер Тирон, Галльская хроника 452 года, Галльская хроника 511 года, Идаций, Виктор Тунунский, Марцеллин Комит, Марий Авентик, хроникальные отрывки, Равеннская хроника Вalezия*) и «Византийские хронисты» [9, с. 117] (*Иоанн Антиохийский, Иоанн Малала, Иешу Стилит*).

Раздел «Церковные историки» [9, с. 90] помимо прежних свидетельств добавлен пункт «*Захарий Ритор*». Прежде именовавшийся раздел «Данные о международных отношениях в Европе второй половины IV — начала VI вв. в трудах писателей варварских государств» не претерпел содержательных изменений, но стал называться «Писатели варварских королевств» [9, с. 125]. Эпиграфический, археологический, лингвистический материал [9, с. 151], а также «Агиографическая литература» [9, с. 155] в данной работе вынесены в заключительную часть.

Имеющиеся в источниках свидетельства о переходе какой-то части жителей на сторону варваров, по мысли В.Т. Сиротенко, «крайне бедны достоверными фактами, их подтверждающими, и, вероятно, являются попытками писателей IV—V вв. (представителей господствующего класса) взвалить вину за поражения римских войск на народные массы, обвинив их в предательстве в период варварских вторжений» [11, с. 454]. Однако эти же самые писатели, подчеркивает Сиротенко, рассказывая об осаде того или иного города, дают много фактов, показывающих огромную роль народных масс в отражении варваров.

Идея союза рабов и варваров представляется Василию Трофимовичу настолько несостоятельной, что он пишет: «Вряд ли есть надобность останавливаться на вопросе, почему народные массы не видели в варварах своих естественных союзников» [11, с. 456]. И, тем не менее, приводит аргументы, подкрепляющие его точку зрения:

— Истинные причины варварских вторжений заключались не в освобождении рабов или оказании помощи угнетенным, а в банальной жажде наживы посредством грабежа.

— У самих варваров в III в. развивались процессы классовой дифференциации, зарождалось рабство, и их победа могла привести к омоложению рабовладельческих отношений, к их консервации.

— Если германские завоевания V в. не привели к этому самому омоложению / консервации, то это связано с тем, что к этому времени очень далеко зашло разложение рабовладельческих порядков в Римской империи. А у германцев благодаря длительному рим-

скому воздействию и необходимости приспособить их отношения к найденным в завоеванных землях производительным силам нарождавшееся рабство эволюционировало в сторону феодальных отношений [11, с. 457].

— В многочисленных работах немецких историков, восхвалявших германские вторжения III в. и изображавших их как освободительные (Г. Шиллер, Б. Раппопорт, Л. Шмидт, Э. Витерсгейм), не приведено ни единого факта в подтверждение освободительного характера этих вторжений.

— Не могут служить подтверждением этого и одиночные факты перехода отдельных лиц или небольших групп местных жителей на сторону варваров, связанные с индивидуальным предательством или с эмоциональными вспышками народного гнева.

— Факты перехода к варварам были настолько редким и исключительным явлением, что писатели того времени даже зафиксировали имена перебежчиков.

— И если уж вести речь о фактах подобного рода, то следует признать: «Наибольшую склонность к соглашательству с варварами проявляли представители господствующего класса» [11, с. 457].

Анализ исторических источников убедил В.Т. Сиротенко: народные массы имели много оснований отождествлять варварские вспомогательные отряды и варварских наемников с римской государственной машиной, частью которой они являлись. Потому ненависть народных масс к варварам, вызванная их набегами на провинции с целью грабежа, усиливалась ненавистью к варварским наемникам в составе карательных отрядов императора.

Тему присутствия в корпусе исторических источников упоминаний о «человеколюбии варваров» Сиротенко интерпретирует как результат некоей эмоциональной реакции, следовавшей на действия сборщиков налогов, произвол фиска. Действительно, фискальный террор заставлял вспомнить варваров и их «человеколюбие». Однако, тут же добавляет автор, это самое «человеколюбие», родилось не на пустом месте, а стало следствием отчаянного и упорного сопротивления народных масс варварам [2, с. 165].

В одной из своих поздних работ В.Т. Сиротенко пишет: «Версия о союзе угнетенных масс Римской империи с вторгавшимися в страну варварами, утвердившись в историографии, стала восприниматься как историческая реальность, вошла во многие учебники, где она подается как истина в конечной инстанции, породила иллюзию изученности данного вопроса и стала незримой преградой для его исследования» [12, с. 4].

Чтобы преодолеть эту преграду, согласно Сиротенко, надо ввести в научный оборот ранее не вовлеченные в него первоисточники, а уже изученных — обратить внимание:

а) на факты союза римских императоров с предводителями варваров с целью использования их войск для подавления революционных, оппозиционных и сепаратистских движений;

б) на факты союза провинциальных группировок господствующего класса империи с варварскими предводителями ради использования их войск в своих классовых и групповых интересах;

в) на факты увеличения количества рабов, реставрации рабовладельческих порядков и ухудшения положения рабов и колонов в варварских королевствах;

г) на факты упорного сопротивления рабов, колонов, мелких свободных крестьян и ремесленников варварским вторжениям и карательным походам;

д) на факты активного участия рабов и колонов в защите римских городов во время осады их варварами.

Эти факты Василий Трофимович в очередной раз подтверждает источниками, вынесенными в «Приложения» учебного пособия «Народные движения...» [12, с. 56—79]. Особенностью данного издания явилось то, что блок текстов исторических источников структурирован автором в соответствии с проблемным принципом. Фрагменты источников приведены в авторской композиции и показывают: развитие колоната, обострение классовой борьбы, обращение римских императоров и провинциальных группировок земельных собственников за военной помощью к варварам и отношение народных масс к вторжениям и карательным экспедициям варваров. Подборка текстов последней группы особо красноречива, так как содержит свидетельства Либания о народном сопротивлении, Сократа — об обороне Константинополя в 378 году, о засаде фессалийцев против вестготов в 385 году, Фемистия — о роли земледельцев и рудокопов, Зосима — о роли рабов, крестьян и горожан в разгроме Требигильда (399 год), о восстании в Константинополе в 400 году, Синезия — об антиготском восстании 12 июля 400 года, Идация — о сопротивлении вестготам в Испании 457 г., Иоанна Биклярского и Исидора Севильского — о фактах народного сопротивления. А еще, надпись на монументе в Фивах в честь Руфа, возглавившего оборону города против вестготов в 395 году. К тому же, как заключает В.Т. Сиротенко, вопреки версии о союзе угнетенных масс с чужеземными завоевателями обширный фактический материал первоисточников подтверждает вывод В.И. Ленина: «История учит, что господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов» [7, с. 302—303].



При этом следует заметить: движение В.Т. Сиротенко в данном малоосвоенном источниковом пространстве подчас было сопряжено с неточностями и ошибками. Наиболее типичную такого рода ситуацию, связанную с критикой Василием Трофимовичем идей А.Д. Дмитриева, описывает С.С. Казаров [4, с. 71—72; 5, с. 6—9]: «...рассказывая о вторжении Алариха в Иллирию, В.Т. Сиротенко приводит перевод А.Д. Дмитриевым отрывка из произведения поэта Клавдиана, который, якобы, писал, что “вся Иллирия пришла в движение, когда Аларих вторгся туда, и сам Марс и сама Беллона, вооруженная крестьянской косой, руководила этим восстанием”» [4, с. 71].

По этому поводу С.С. Казаров делает одно важное уточнение: «...То, что сам А.Д. Дмитриев не привел указанные строчки из Клавдиана, побудило В.Т. Сиротенко обратиться к первоисточнику и сделать его собственный перевод. Как оказалось, в упомянутых строчках, на которые ссылался А.Д. Дмитриев, Марс не упоминался вообще, а о сестре бога войны Беллоне говорится, что она оросила кровью платье иллирийцев. Что же касается выражения “Беллона с косой”, то, по словам В.Т. Сиротенко, это всего лишь образное выражение, а сам поэт имел виду “косу смерти”. Но самое важное, по словам В.Т. Сиротенко, то, что в инвективе, на которую ссылается А.Д. Дмитриев, нет и намека на восстание иллирийцев в поддержку Алариха. Однако, критикуя дмитревскую интерпретацию перевода Клавидина, В.Т. Сиротенко сам при переводе упомянутого пассажа допускает некоторую неточность: речь идет о Беллоне, которая скосила серпом (дословно — *stringerefalce*) народ, успокоив волнения и изгнав веселье (...*moliretumultus...excutedelictas...* — *Claudiani 11.144*)» [5, с. 7—8].

К слову, сюжет «Беллоны с косой» был для Василия Трофимовича излюбленным примером (многokrатно упоминавшимся в его воспоминаниях и в ходе бесед с автором статьи) вопиюще неверного обращения с историческими источниками со стороны излишне увлеченных идеей союза угнетенных и варваров...

Таким образом, в соответствии с мнением Сиротенко, ситуация с идеей союза рабов и варваров в ее источниковом преломлении выглядит следующим образом. Популярность и естественность идеи союза угнетенных масс римской империи и варваров — есть факт не исторический, а сугубо историографический. Данная идея уже к моменту провозглашения и научного оформления «теории революции рабов» стала определенной историографической традицией, причем, не только отечественной науки. Именно в таких исследованиях два-три свидетельства, приводимых для усиления эмоционального эффекта реципиента, изучающего невыносимые условия жизни угнетенных трудящихся масс, если

и не были возведены в абсолют, то, по крайней мере, стали привычными. Определенная общность интересов варваров и угнетенных масс Римской империи, а также единичные и спорадические случаи взаимодействия между ними не могут быть основанием для утверждений о существовании полноценного союза (именно отсутствием валидной источниковой базы над подобного рода утверждениями можно объяснить ту легкость, с которой некоторые издания избавились в свое время от зримого присутствия «революции рабов», просто убрав данное словосочетание из названий глав, оставив содержание последних без изменений).

Сам Василий Трофимович в своих воспоминаниях описывал сложившуюся интерпретационную коллизию следующим образом: его упрекали в том, что он извлек на поверхность редкие и единичные случаи борьбы рабов с варварами и придал им форму общего для всей Империи процесса. Путем различного рода примеров Василия Трофимовича пытались подвести к осознанию своей ошибки, заключающейся именно в обобщении единичных случаев. Вот суть одного из таких примеров: как известно, человек не склонен концентрировать внимание на очевидных, само собой разумеющихся вещах. Именно поэтому девять из десяти человек после любого торжественного застолья будут совершать одну и ту же ошибку, если их вдруг попросят озвучить ассортимент поданных блюд. Все будут безошибочно перечислять блюда, их состав и даже последовательность их подачи на стол. Но вряд ли кто упомянет в этом перечне хлеб — продукт слишком обыденный, что быть замеченным. «Аналогично и с Вашими источниками, — говорили Василию Трофимовичу, — в них античные авторы отразили только то, что было удивительно для них, нетипично, а это как раз факты сопротивления варварам... В то время как объединяться с варварами против Рима стремились все поголовно — таких было абсолютное большинство...» [2, с. 11—12]. То есть, речь шла об исключениях, которые только подтверждали правило «рабы переходили на сторону варваров». И это при том, что сам В.Т. Сиротенко много ранее отмечал: в 30-е гг. XX в. факты сопротивления рабов, колонов, беднейших слоев горожан не были изучены в достаточной мере, а факты перехода отдельных групп местных жителей на сторону варваров оказались поднятыми на поверхность.

### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Библиография научных трудов Василия Трофимовича Сиротенко / Сост. Д.А. Волошин; под ред. С. Л. Дударева. Армавир: РИО АГПА, 2015. 40 с.
2. Волошин Д.А. Теория революции рабов: монография / отв. ред. С.Л. Дударев. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 256 с.

3. Историография и источниковедение падения римской империи [по материалам В.Т. Сиротенко]: учеб. пособие / под ред. С.Л. Дударева; сост. Д.А. Волошин. Армавир: РИО АГПУ, 2018. 84 с.

4. Казаров С.С. А.Д. Дмитриев и развитие антиковедения на Дону: монография. Ростов-н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. 102 с.

5. Казаров С.С. А.Д. Дмитриев, В.Т. Сиротенко и тезис о революции рабов в отечественной историографии // II Сиротенковские чтения: сб. материалов междунар. науч. конф. Армавир: РИЦ АГПА, 2011. С. 6—9.

6. Колосовская Ю.К. Проблема «Рим и варвары» в советской историографии последних десятилетий // ВДИ. 1980. № 3. С. 180—192.

7. Ленин В.И. Заговоры реакции и угрозы погромщиков // ПСС. Изд-е 5-е. Т. 13. М.: Изд-во полит. лит., 1972. С. 301—304.

8. Нюркаева А.З. Исследование проблем древности, средневековья и славяноведения в пермском университете (к 75-летию университета) // Античность Европы: межвузов. сб. науч. ст. / под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой. Пермь: ПГУ, 1992. С. 121—139.

9. Сиротенко В.Т. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1973. Ч. I. Источники. 175 с.

10. Сиротенко В.Т. Международные отношения в Европе второй половины IV — начала VI в.: дис... д-ра ист. наук. В 3-х т. Т. 1. Пермь, 1968. 425 с.

11. Сиротенко В.Т. Международные отношения в Европе второй половины IV — начала VI в.: дис... д-ра ист. наук. В 3-х т. Т. 2. Пермь, 1968. 374 с.

12. Сиротенко В.Т. Народные движения в поздней Римской империи и образование варварских королевств. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1988. 79 с.

## REFERENCES

1. Bibliografija nauchnyh trudov Vasilija Trofimovicha Sirotenko / Sost. D.A. Voloshin; pod red. S. L. Dudareva. Armavir: RIO AGPA, 2015. 40 s.

2. Voloshin D.A. Teorija revoljucii rabov: monografija / otv. red. S.L. Dudarev. Stavropol': Dizajn-studija B, 2016. 256 s.

3. Istoriografija i istochnikovedenie padenija rimskoj imperii [po materialam V.T. Sirotenko]: ucheb. posobie / pod red. S.L. Dudareva; sost. D.A. Voloshin. Armavir: RIO AGPU, 2018. 84 s.

4. Kazarov S.S. A.D. Dmitrev i razvitie antikovedenija na Donu: monografija. Ros-tov-n/D: Izd-vo JUzhnogo federal'nogo un-ta, 2018. 102 s.

5. Kazarov S.S. A.D. Dmitrev, V.T. Sirotenko i tezis o revoljucii rabov v oteche-stvennoj istoriografii // II Sirotenkovskie chtenija: sb. materialov mezhdunarod. nauch. konf. Armavir: RIC AGPA, 2011. S. 6—9.

6. Kolosovskaja JU.K. Problema «Rim i varvary» v sovetskoj istoriografii poslednih desjatiletij // VDI. 1980. № 3. S. 180—192.

7. Lenin V.I. Zagovory reakcii i ugrozy pogromshhikov // PSS. Izd-e 5-e. T. 13. M.: Izd-vo polit. lit., 1972. S. 301—304.

8. Njurkaeva A.Z. Issledovanie problem drevnosti, srednevekov'ja i slavjanovedenija v permskom universitete (k 75-letiju universiteta) // Antichnost' Evropy: mezhvu-zov. sb. nauch. st. / pod red. I.L. Majak, A.Z. Njurkaevoj. Perm': PGU, 1992. S. 121—139.

9. Sirotenko V.T. Vvedenie v istoriju mezhdunarodnyh otnoshenij v Evrope vo vtoroj polovine IV — nachale VI vv. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 1973. CH. I. Istochniki. 175 s.

10. Sirotenko V.T. Mezhdunarodnye otnoshenija v Evrope vtoroj poloviny IV — nachala VI v.: dis... d-ra ist. nauk. V 3-h t. T. 1. Perm', 1968. 425 s.

11. Sirotenko V.T. Mezhdunarodnye otnoshenija v Evrope vtoroj poloviny IV — nachala VI v.: dis... d-ra ist. nauk. V 3-h t. T. 2. Perm', 1968. 374 s.

12. Sirotenko V.T. Narodnye dvizhenija v pozdnej Rimskoj imperii i obra-zovanie varvarskih korolevstv. Dnepropetrovsk: Izd-vo DGU, 1988. 79 s.

**Рецензент:**

Дударев С.Л., докт. ист. наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир).